

Все, кто приходит - это гости, все зависит от ног.*

Прошлое:

Когда Хань Цзя проснулся, ему показалось, что его разорвали на части и использовали как украшение. Он медленно лег и сделал несколько глубоких вдохов. Вдруг он резко сел на кровати, перевернулся и встал с нее. Он нашел небольшой табурет у двери, снял одежду, аккуратно сложил ее, прежде чем быстро надеть новую, толкнул дверь и вышел. Оказавшись за дверью, он тут же застыл на месте. Обернувшись, он понял, что прошлой ночью ему выпала честь остаться в спальне на втором этаже виллы Чжоу Шицзе. От этого осознания на его лице появилось растерянное выражение.

Обычно, когда Чжоу Шицзе с кем-нибудь связывался, он никогда не оставался на ночь в собственном доме и исчезал до рассвета. Как правило, слуга Чжоу Шицзе всегда провожал Хань Цзя и остальных за дверь. При этом Хань Цзя заставлял Чжан Сюэмина приезжать и ждать его на улице.

"Но в этот раз я здесь один. Черт, вчера было трудно выдержать игры Чжоу Шицзе. Я, наверное, потерял сознание на полпути. Неужели Чжан Сюэмин не знает, что нужно придти и позвать меня, когда я не выхожу?"

Размышляя так, Хань Цзя спокойно спускался по лестнице - не потому, что хотел сохранить изысканный вид, просто во всем теле не было места, которое бы не болело.

По обеим сторонам холла первого этажа располагались окна во французском стиле, которые пропускали теплый солнечный свет, освещая помещение. Когда Хань Цзя дошел до конца лестницы и замер на мгновение, он услышал, как кто-то спросил сбоку:

- Ты проснулся?

Хань Цзя обернулся и слабо улыбнулся:

- Господин Чжоу.

Чжоу Шицзе был крепкого и здорового телосложения, с очень свирепыми глазами, которые он обычно скрывал за парой очков. При одном взгляде на него Хань Цзя искренне подумал, что такая маскировка была необычайно эффективной, ведь по сравнению со вчерашним вечером, Чжоу Шицзе выглядел как обычный человек.

Кроме их случайных "игр", Чжоу Шицзе и он редко общались. Теперь, когда они неожиданно встретились, на четыре-пять секунд воцарилась неловкая тишина. Хань Цзя полностью боялся его и не решался поспешно раскрыть свое обаяние, вместо этого он продолжал улыбаться, что соответствовало нормам общества.

- Господин Чжоу, если больше ничего нет, то я пойду.

Чжоу Шицзе с надменным выражением лица кивнул и сказал:

- Твой лакей приходил вчера, но я сказал ему, что ты потерял сознание и должен немного отдохнуть, поэтому он ушел.

- Спасибо, что позволил мне остаться на ночь. - сказал Хань Цзя, хотя в голове он несколько раз злобно бил Чжан Сюэмина.

Чжоу Шицзе посмотрел на него, немного подумал и спросил:

- Как мой отец обычно платит тебе?

- В такой ситуации Ман Ли и А Кай стоят по три тысячи. - осторожно ответил Хань Цзя.

- А ты?

- Я - сводник. - сказал Хань Цзя, но не увидев никакой реакции со стороны Чжоу Шицзе, он сразу понял, что тот не понимает, что он имеет в виду. Он понизил голос:

- Для меня большая честь, что ты, господин Чжоу хочешь иметь с нами дело. Как я могу бессовестно брать у тебя деньги?

- Я понимаю. - сказал Чжоу Шицзе и, найдя в кармане бумажник, передал его Хань Цзя.

- Я ничего не приготовил. Ты можешь взять это.

Хань Цзя был немного ошеломлен:

- Это... Я не могу принять это...

Чжоу Шицзе пристально посмотрел на него:

- Возьми. Я недавно ездил в командировку в другую провинцию и вступил в клуб с несколькими энтузиастами. Он остановился и продолжил, не двигаясь: - Там рабы довольно профессиональны, но только когда я думаю о тебе, я возбуждаюсь.

Услышав это, Хань Цзя немного испугался и был на грани. Однако он все еще сохранял почтительный вид.

- Вчера те двое не пришли, и ты потерял сознание, но не волнуйся. Я не буду винить никого из вас. Я действительно наслаждался в полной мере. В следующий раз, когда я позову кого-нибудь, можешь приходить один. Я не буду относиться к тебе плохо.

Сердце Хань Цзя сжалось в тугой клубок. Он сумел выдавить из себя улыбку и протянул руку, чтобы взять бумажник, который Чжоу Шицзе передал ему, и сказал:

- Я понимаю. Если больше ничего не нужно, то я пойду?

Вдруг рука Чжоу Шицзе приблизилась к его лицу и подняла его подбородок. Он внимательно осмотрел его с совершенно ничего не выражающим лицом, затем повернул лицо Хань Цзя из стороны в сторону, как будто осматривал предмет мебели. Хань Цзя поднажал и показал очень очаровательную, но двусмысленную улыбку.

- Я слышал, что когда ты улыбаешься, это действительно опьяняет. Чжоу Шицзе поджал брови:
- Но когда ты плачешь... - он сделал паузу и отпустил руку: - Ты можешь идти.

Как только он услышал эти три слова, Хань Цзя почувствовал себя так, словно получил огромную амнистию. Не обращая внимания на физический дискомфорт, он со всей возможной скоростью направился к входной двери. Оказавшись на улице, он понял, что все его тело покрылось холодным потом.

Удивительно, но Чжан Сюэмин не был лишен совести. Он додумался подождать его снаружи.

Когда Хань Цзя сел на пассажирское сиденье, он даже не стал ругать его и говорить, что он не знает, как справиться с ситуацией. Вместо этого он просто слабо посигналил ему, чтобы тот сел за руль, а сам прислонился к окну и закрыл глаза, чтобы отдохнуть. Чжан Сюэмин завел машину и молчал на протяжении всего пути. Когда он остановился у Цзинь Тинга, Хань Цзя автоматически открыл глаза.

- Почему ты припарковался у боковой двери?

Он пробормотал этот вопрос, затем надолго откинулся на сиденье, прежде чем толкнуть дверь и выйти из машины. Прежде чем он успел твердо встать на ноги, темный силуэт внезапно набросился на него сверху.

- Хань-лаобань! Хань-лаобань, пожалуйста, помоги мне!

Это была женщина с вьющимися волосами. Подбежав к нему, она крепко обняла Хань Цзя за талию, как будто хотела встать на колени.

- Человек Ли?

Хань Цзя был потрясен и уже полностью проснулся.

Подчиненный у двери увидел это и уже собирался подбежать, когда Хань Цзя махнул рукой и жестом приказал ему подойти. Затем он понизил голос и сказал:

- Встань и говори как следует.

Ман Ли слегка сжала его руку, но вместо того, чтобы встать, она опустилась на колени и посмотрела на Хань Цзя.

- Хань-лаобань, позволь мне вернуться. Я, я уже уволилась...

Хань Цзя посмотрел на бледное лицо Ман Ли под лучами солнца и увидел макияж, который она специально наложила для этой встречи. Он вздохнул и понизил тон своего голоса:

- Ман Ли, ты знаешь правила.

- Я знаю, я не должна искать тебя, Хань-лаобань. Но в любом случае, я была с тобой три года, и ты меня прогнал... Я, я могу пойти работать только в "те другие места". Я...

Когда Ман Ли заговорила, она начала плакать. Прожив в Цзинь Тинге три года, она всегда ходила нежным и красивым путем. Теперь, когда правда была раскрыта, она непрерывно рыдала, что делало ее еще более жалкой.

Немного нахмурившись, Хань Цзя медленно сказал:

- Я помню, не было ли раньше архитектора, который был очень добр к тебе?

Большие глаза Ман Ли смотрели на него, а ее слезы капали на землю.

- Хань-лаобань, раз уж мы такие, раз уж мы такие... - она не смогла закончить предложение и снова начала горько плакать. - Хань-лаобань, я прошу тебя. Я не из тех, кто играет в лотерею... с тем долгом, который я должна Цин-е, если я действительно буду работать в "тех местах", чтобы вернуть деньги, я умру, я умру...

Хань Цзя поджал губы и посмотрел на нее. Он знал, что так называемые "те места" - это места проституции низшего уровня в банде. Доход был невелик, гости представляли собой смесь разных характеров, а закупщики присваивали деньги без всякого контроля. Кроме того, Ман Ли страдала наркотической зависимостью, что, несомненно, еще больше осложнит ее жизнь. Было ясно, что богатое и красивое лицо, стоявшее сейчас перед ним, будет медленно худеть и бледнеть, пока в конце концов не зачахнет.

"Умрет? Действительно умрет... это не редкость."

Двое или трое подчиненных подошли к ним. Хань Цзя достал бумажник, который ему дал Чжоу Шицзе, и передал его Ман Ли.

- Если ты уже знала, что до этого дойдет, то зачем ты тогда это сделала? Там есть немного денег, можешь взять их...

- Мне это не нужно. Хань-лаобань, позволь мне вернуться...

Ман Ли крепко обхватила его ноги и взмолилась:

- Хань-лаобань, я прошу тебя. Я уже бросила, я буду внимательна, я обязательно буду внимательна...

Хань Цзя отступил назад и попытался вырваться из ее рук, но она еще крепче сжала его ноги. Ее речь ускорилась, боясь, что Хань Цзя не станет ее слушать.

- Я могу многое, я делаю все, Хань-лаобань. Ты только что встретился с господином Чжоу? Ты не можешь выдержать это один, верно... Я могу, я могу! Позволь мне пойти туда. Я могу снова сопровождать тебя, или ты можешь отпустить меня одну... Хань-лаобань, я прошу тебя...

Брови Хань Цзя напряглись. Он посмотрел в сторону и закричал:

- Почему вы до сих пор не оттащили ее?!

Двое подчиненных тут же подошли и взяли Ман Ли за руки, а другой потащил ее за талию. Несмотря на ее сопротивление, они оттащили ее от него, а ее голос стал еще более жалким.

- Хань-лаобань, пожалей меня! Мой ребенок все еще болен, пожалей моего ребенка! Пожалуйста, пожалей моего больного ребенка!

Ее голос сопровождался рыданиями, которые пронзили барабанные перепонки всех присутствующих. Стоявший сбоку подчиненный не мог больше смотреть и отвернулся.

Хань Цзя почувствовал, что ему стало еще хуже, медленно подошел и положил бумажник в ее карман. Затем он потянулся, чтобы отодвинуть ее челку, и сказал низким и холодным голосом:

- Если ничего не выйдет, отдай ребенка кому-нибудь другому.

Судя по всему, Ман Ли не слушала его слов. Когда она увидела, как он подошел, перед ее глазами внезапно вспыхнул упрямый луч света. Несмотря на то, что макияж на ее лице уже был испорчен слезами, она все равно поспешно и срочно заговорила.

- Хань-лаобань, я буду твоим лакеем. Позволь мне быть твоим лакеем... Я сильнее Чжан Сюэмина. Что у него есть? Он ничего не знает. Он предаст тебя без раздумий! Хань-лаобань, я буду слушаться и повиноваться тебе. Хань-лаобань, Хань-лаобань... Хань-лаобань, помоги мне!...

Хань Цзя вздохнул и без колебаний встал. Он медленно подошел к боковой двери в Цзинь Тинг, оставив Ман Ли плакать позади себя.

Сзади послышался звук шагов - это был Чжан Сюэмин.

Хань Цзя подождал, пока Чжан Сюэмин догонит его, и негромко спросил:

- Когда ты помогаешь кому-то, а в итоге получаешь от этого человека оскорбления, каково это?

Чжан Сюэмин ничего не ответил.

- Хамф! Ты знал время, когда я вернусь, и специально поехал к боковой двери, разве это все не ради Ман Ли?

- Я просто думаю, что она довольно жалкая...

- Ты влюбился в нее? - Хань Цзя спросил резким тоном.

Чжан Сюэмин явно нервничал. Он снова хотел что-то сказать, но его лоб покрылся холодным потом.

Хань Цзя фыркнул с несколько измученным видом.

- Хань-лаобань... - в коридоре появился подчиненный и подбежал к нему.

- Мы поймали предателя, который перевозил наркотики в Цзинь Тинг. Ли Гэ сейчас допрашивает его. Он просил меня спросить, не хочешь ли ты сходить туда и посмотреть?

Хань Цзя рассмеялся:

- Он только вчера сошелся с тем красавчиком. Разве ты не должен был сказать ему, чтобы он больше наслаждался собой? Теперь он должен допрашивать кого-то с самого утра, разве ты не вредина?

Когда подчиненный тоже рассмеялся, Хань Цзя сказал:

- Пусть подождет минутку, я скоро приду.

Подчиненный кивнул и ушел. Хань Цзя сделал два шага и свернул в ванную комнату, которая находилась на этом этаже. Он побрызгал на лицо прохладной водой, а затем посмотрел на себя в зеркало, демонстрируя безупречную улыбку.

Хань Цзя, плеябой Цзинь Тинга, никогда и ничем не позволял сбить себя с ног.

---

1. Название главы 4 - "Все зависит от ног" означает, когда человек раздвигает ноги. Так что ноги можно раздвинуть для любого, кто придет, ведь в конце концов они - гости.

<http://bllate.org/book/14198/1251314>